

Великий Мир Уша.

— Чун Цзэ, почему ты всё ещё спишь? — сидевший рядом соученик толкнул в плечо того, кто сидел по его левую руку, с выражением глубокой беспомощности на лице.

Как назло, сидевший рядом человек никак не просыпался. Соученик уже собрался толкнуть его снова, как вдруг заметил, что все в классе уставились на него в упор.

Снова за своё...

Он молча отдернул руку. Он ведь и сам прямой потомок рода мечей, так почему же в академии оказался куда менее популярен, чем этот его сосед по парте? Стоило ему лишь чуть сильнее задеть Чун Цзэ, как эти дружелюбные обычно соученики мгновенно переставали быть с ним дружелюбны.

Впрочем, Чун Цзэ и правда хорош собой.

Он по собственной воле терпел такое давление ради того, чтобы сидеть с ним за одной партой.

— Жуйян, разве Чун Цзэ не прекраснее вдвойне, когда спит? Зачем ты поднимаешь его? — с фанатичным восхищением произнесла сидевшая неподалёку девушка. — Хотя, когда Чун Цзэ просыпается, в его облике тоже есть особое очарование, но спящая красавица мне всё же нравится куда больше. Как там говорили человеческие заклинатели? Сон весенней бегонии — одно звучит невероятно красиво.

— Ци Хуа, ты обладательница огромной палицы, неужели тебе пристало говорить такое? — не удержался от возражения Жуйян. — Этот образ юной леди тебе откровенно не к лицу.

Услышав это, Ци Хуа тут же расвирепела.

Это что еще за слова?!

И что не так с метеоритным молотом? Метеоритный молот — это тоже одна из ветвей рода молотов, с чего бы людям из рода молотов обязательно быть маньяками-насильниками?

В Великом Мире Уша оружия обладали схожими чертами, но в то же время отличались друг от друга. По мере роста связей с различными мирами оружия Великого Мира Уша также переняли у других расовых групп обычаи классификации и, объединив их в соответствии со своими особенностями, выделили основные направления: мечи, пики, клинки, алебарды, боевые топоры, секиры, крюки, трезубцы, хлысты, цзяни, луки, арканы, булавы, шесты, копья, палицы, клювы и молоты — всего восемь видов оружия, которые вместе назывались Восемнадцатью семействами. Истинной сущностью Ци Хуа была как раз пара метеоритных молотов. При поступлении в академию она с успехом вбила нескольких соучеников обратно в

их первоначальный облик, обладала невероятной силой, прочно держала в страхе всю округу и заслуженно стала одним из невенчанных королей этого класса.

— Я виноват, я виноват, — Жуйян поспешно замахал руками, заметив, что Ци Хуа собирается пустить в ход кулаки.

Великий Мир Уша был местом рождения и сбора оружия, а потому изначально отличался густой кровожадностью и бесконечными смутами. После того как в былые времена первое божественное орудие — меч Тяньвэнь — утомило Великий Мир Уша, оружия тоже последовали примеру людей: стали заводить партнера по дао, создавать семьи и кланы, а затем, подражая людям, открыли четыре академии по сторонам света: на юге, севере, западе и востоке. Лишь успешно окончив обучение, они получали право встретиться с заклинателями из самых разных миров и традиций, чтобы выбрать себе достойного хозяина. Именно поэтому каждый учащийся представлял собой отборное оружие, прошедшее строгий отбор. Внутри академии стычки разрешались исключительно на арене боевых искусств, во всех же остальных местах любые драки карались как грубое нарушение правил.

— Мне показалось, или Чун Цзэ только что шевельнулся?

— А? — Жуйян протёр глаза. — Нет, ничего. Чун Цзэ всегда спит как убитый.

— Ох, наверное, мне мерещится, — Жуйян потрепал себя по макушке и весело рассмеялся.

Чун Цзэ промышлял маскировкой под студента в этой академии уже не первый день. Каждый раз он менял личину и нагло пользовался ресурсами Великого Мира Уша.

Кхм, по правде говоря, было даже немного стыдно.

Будучи злосчастливым божественным орудием — копьем Чжунцзюнь, погубившим трех своих хозяев, — он докатился до такой жизни и теперь просто не имел лица, чтобы предстать перед своими тремя мертвее мертвых хозяевами. Впрочем, после того как все трое погибли и поползли слухи о его проклятой сущности, мысли о поисках нового владельца у Чун Цзэ сильно поутихли. Каждый из его трех хозяев был истинным драконом среди людей, рождающимся разве что раз в несколько десятков тысяч лет. Если оглянуться вокруг сегодня, найдётся ли много тех, кто способен сравниться с их величием?

Чун Цзэ маялся от безделья и сам толком не понимал, чем ему заняться. К счастью, истинное имя копья Чжунцзюнь никто не знал, и он, непрерывно меняя личины, кочевал из одной академии в другую, находя забавным наблюдать за новыми поколениями юного оружия.

Разумеется, забавным Чун Цзэ находил и спать во время лекций, пока остальные усердно слушают.

Но сейчас ему было уже не до сна.

Во сне он внезапно ощутил некий непостижимый, тончайший отклик. Подобное чувство возникало разве что во времена совместных сражений плечом к плечу с прежними хозяевами, о других моментах и говорить не приходилось. Но почему же сегодня вдруг возникло такое ощущение?

Какова была истинная сила культивации Чун Цзэ в настоящий момент, пожалуй, не смог бы точно сказать никто.

Однако Великий Мир Уша изначально был особым местом среди Трех Тысяч Миров: даже до ближайшего Мира Культиваторов требовалось добираться на телепортационных формациях добрых несколько часов. И тем не менее, выделив божественное удушающее семя из тела и оставив свой дух парить без преград, Чун Цзэ в мгновение ока, не потревожив ни единой живой души, домчался до Юй Цюнцзю.

— Малец, твое тело я, старик, заберу... — Даос выглядел крайне отталкивающе, а аура его духовной энергии сочилась мутной грязью. Взглянув же на то, как хорош собой бледный юноша — почти писанный красавец, — Чун Цзэ принял решение почти инстинктивно.

— Кхм-кхм. — Юй Цюнцзю долго лежал неподвижно на земле, прежде чем смог сделать вдох. Его дыхание было настолько слабым, казалось, в следующее мгновение он испустит дух.

Чун Цзэ сделал два шага вперед, и предчувствие в его груди стало еще отчетливее.

Он протянул руку и слегка ущипнул Юй Цюнцзю за щеку.

В тот же миг в его сознании одна за другой закружились бесчисленные картины, и на поверхности всплыли лица тех, кого он так тщательно прятал на самом дне своего сердца.

— А-Цзэ, разве есть хоть капля справедливости в этом небесном круговороте? Человеческое рождение изначально не выбирают, но почему-то предопределено деление на девять благородных и низших сортов. У демонов свой путь выживания, у людей — свой, у магов — тоже свой. Но те, кто родился от смешения трех рас и впитал в себя все их достоинства, должны быть отвергнуты, изгнаны и влачить жалкое существование в этих Трех Тысячах Миров? Где же тогда справедливость Небес?!

— Если эти Трей Мира не желают принимать полукровок, тогда я переверну этот Небесный Закон с ног на голову. Когда я стану верховным божеством Трех Миров, я заново установлю правила, чтобы у каждого полукровки нашлось свое собственное место под солнцем. А-Цзэ, ты должен помочь мне!

Разумеется. Вы — мой первый хозяин, и среди стольких грозных орудий выбрали именно меня;

я непременно помогу вам воплотить ваше желание.

— А-Цзэ, мое желание куда проще. Всего лишь чтобы император-отец обратил на меня внимание, и я смог позволить матушке спокойно прожить остаток ее дней во дворце в облике простой смертной. А все эти престолы и права на обладание Великим Миром мне даром не нужны.

— А-Цзэ, я ведь уже обо всем открыто поговорил с царственными братьями, так почему же они все равно схватили мою матушку, схватили моих служанок? А она... Ии, я ведь так хорошо к ней относился, за что она меня предала?!

Потому что в этом мире людей с выдающимися способностями вечно будут преследовать зависть и сомнения, и даже если вы всей душой стремитесь к уединенной жизни облачного журавля и дикого гуся, в конце концов вы все равно станете бельмом на глазу и занозой в сердце для окружающих.

— Путь Поднебесной зиждется на благополучии народа.

— Нравы в Мире Культиваторов расшатаны, и былую славу уже не вернуть. Повсюду процветают те, кто ради личной выгоды предает учителей и забывает долг, а простые смертные и вовсе выживают с трудом, уподобляясь ничтожным букашкам. И раз уж Небесный Путь не в силах обуздать этих негодяев, я сам вершитель правосудия! Пусть я потрачу на это всю свою жизнь, но я непременно верну Миру Культиваторов и смертным землям мир и покой!

Да.

Вы никогда не гнались за долголетием и беззаботным бессмертием. Вы учили меня отличать добро от зла, вселяли в мое сердце сострадание к простому люду и учили быть настоящим человеком. За эту великую доброту нечем отплатить — разве что после того, как ваш дух рассеется, а плоть увянет, бережно опустить ваше тело среди любезных вашему сердцу пейзажей озер и гор.

Чун Цзэ пришел в себя и осознал, что по его лицу струятся слезы.

Глядя на поверженного без сознания Юй Цюнцзю, он вдруг отчетливо понял, кем является этот юноша.

Этот мальчишка — переплетение крови и плоти трех его прежних хозяев, а также единственная искра надежды, оставленная ими в этом мире. Именно поэтому он почувствовал зов в тот момент, когда юноше грозила гибель, и без малейших колебаний поспешил ему на помощь.

— А-Цзэ, ты — самое непохожее на оружие орудие во всем этом мире. После моей смерти

можешь делать все, что пожелаешь; мои идеалы и устремления не должны тяготить тебя. Я потратил всю свою жизнь, думая, что смогу изменить этот мир с помощью Закона и Пути, но в конце концов все равно был вынужден полагаться лишь на твою устрашающую мощь. Я заблуждался: некоторых людей и некоторые вещи невозможно изменить одними лишь высокими идеалами и помыслами.

Чун Цзэ неожиданно вспомнил слова третьего хозяина, сказанные им перед самой смертью, когда тот крепко держал его за руку.

Третий хозяин сильно отличался от двух первых: его сердце было куда шире, нрав — мягче, к нему он относился как к родному сыну, и в конце концов он тоже разочаровался в Море Культиваторов, увянув от тоски.

Одни лишь академические знания и духовные учения были не в силах исправить нравы, царившие во всем Море Культиваторов.

Точно так же, как и этот мальчишка: даже если бы он тихо и незаметно прятался в горной деревушке, над ним в любой момент нависала угроза лишиться жизни.

Если хочешь жить истинно вольно, необходимо отбирать, бороться и защищать все это с помощью абсолютной силы.

— Я спасу тебе жизнь, а ты поможешь мне в одном деле, — быстро приняв решение, Чун Цзэ собрался с духом, с лукавой улыбкой склонился над юношей и вдохнул в него порцию жизненной ци.

Я не стану признавать тебя своим хозяином, вместо этого я сделаю тебя своим компаньоном.

Компаньоном, с которым мы вместе покорим этот мир.

Будь то Мир Уша, Три Тысячи Миров Культиваторов или даже мир бессмертных и царство демонов — все они станут его целью и его идеалом.

Правила, которые хотел установить первый хозяин, установлю я!

Свободу, которой жаждал второй хозяин, дарую я!

Мир, о котором мечтал третий хозяин, утвержу я!

Да.

Юй Цюнцзю, с того самого момента, как я вдохнул в тебя эту жизненную ци, твоя судьба навеки сплетена с моей.

Давай же вместе отправимся покорять Три Мира!

С чего же начать покорение Поднебесной?

Серьезно обдумав этот вопрос, Чун Цзэ с удивлением обнаружил, что, кажется, совершенно ничего об этом не знает. Нет, погодите, не то чтобы совсем ничего — по крайней мере, все три его прежних хозяина в той или иной степени вели к этому подготовку. Если хорошенько поразмыслить, возможно, удастся отыскать нечто весьма занятное.

Подумав об этом, Чун Цзэ невольно поднял голову, а на его лице проступило выражение легкой меланхолии.

Соученики, заметив, что Чун Цзэ вдруг неожиданно очнулся, смотрели на него с крайним изумлением. Ведь всем было прекрасно известно, что главная красавица их Академии Дунчи, Чун Цзэ, обладал страстью к сну, сравнимой с самой смертью: стоило ему сомкнуть глаза, как разбудить его становилось невозможно, и спать он мог от заката до рассвета, оставаясь непоколебимым, даже когда поглазеть на него собирались тысячи восхищенных соучеников. Сейчас же на дворе стоял лишь полдень, а Чун Цзэ уже вырвался из объятий сна — поистине невиданное за всю историю явление!

— Чун Цзэ, тебе нездоровится? Может, сходить к мастеру очищения артефактов Бай Шэну? — приблизившись, озабоченно поинтересовался Жуйян.

Все они были оружием, и если у них что-то болело или хворало, обращаться приходилось, разумеется, к мастерам очищения артефактов. В Великом Мире Уша врата для тех заклинателей, что были тщательно отобраны из Трех Тысяч Миров для сопряжения со студентами-выпускниками четырех академий и заключения контрактов, открывались лишь в строго определенные часы; по истечении этого времени защитные формации вновь активировались, отрезая любые посторонние взгляды, дабы избежать повторения былых исторических распрей. И всё же среди заклинателей существовало одно исключение — мастера очищения артефактов!

Что касается мастеров артефактов, то сколько бы магических орудий они ни создали за свою жизнь в Мире Культиваторов, в лучшем случае те обретали лишь зачатки духовности. Чтобы артефакт развил собственный дух и принял человеческий облик, методыковки, материалы и время плавки не должны были содержать ни единого изъяна. Более того, им требовалось ежесекундно остерегаться небесной кары, неизбежно обрушивающейся при рождении божественного сокровища. Однако Великий Мир Уша был совершенно иным местом: здешнее оружие практически беспрепятственно обретало человеческий облик, по уровню интеллекта ни в чем не уступая любой живой расе, к тому же они сами изобрели собственный способ продолжения рода. Для мастеров артефактов это место являлось истинным раем, самой сутью преследуемого ими всю жизнь Пути Ковки!

Для оружия же из Великого Мира Уша мастера артефактов казались поистине удивительным чудом: стоило в их боевых телах обнаружиться хоть какому-то дефекту, те неизменно находили способ все исправить. Порой, даже если в схватке с врагом оружие получало щербину или раскалывалось надвое, мастера почти всегда помогали восстановить его. Если только духовное ядро оружия не испарялось без следа, стоило лишь его сородичам пожертвовать частицу собственной плоти, как можно было заново выковать новое тело. По этой причине отношение оружия из Великого Мира Уша к мастерам артефактов было исключительно теплым. Да и прибывавшие в поисках оружия заклинатели по большей части непременно постигали основы ремесла артефактов.

В Академии Дунчи искуснейшим из мастеров артефактов, само собой, был Бай Шэн.

— Не нужно, — Чун Цзэ покачал головой. — Я просто задумался о кое-каких вещах, уважаемые соученики могут не обращать на меня внимания.

Как же тут не обращать внимания?!

Многие виды оружия бросали на Чун Цзэ вороватые взгляды: разве можно не волноваться, когда у столь писаной красавицы брови сошлись на переносице от тяжелых дум?

Вскоре новость о том, что Чун Цзэ встревожен и хмурит брови, облетела всю академию. Начиная с первого и заканчивая третьим курсом, все одинокие и не очень экземпляры оружия пришли в тихое движение, и едва прозвенел звонок об окончании лекции учителя, толпой бросились туда, где находился Чун Цзэ.

А вдруг именно ему удастся развеять тревоги Чун Цзэ и завоевать сердце красавца?

— Цзы Чжэнь, подумаешь, какой-то Чун Цзэ, стоит ли он такого внимания? — с недовольством обратилась к подруге юная дева. — Их мысли заняты лишь этим пресловутым Чун Цзэ, когда же они хоть раз ставили тебя, Цзы Чжэнь, во главу угла? Ты ведь прямая наследница рода мечей, божественное сокровище, вызывающее неизменное восхищение мастеров артефактов!

— Цзю'эр, выбирай выражения, — сурово зыркнув на нее, оборвала девушку соученица по имени Цзы Чжэнь. — Чун Цзэ невероятно хорош собой, вполне естественно, что все им восхищаются.

— Да среди заклинателей из других миров мало кто при выборе оружия вообще смотрит на красоту, в конце концов, все решают боевые заслуги, — тихо пробурчала Цзю'эр. — Просто мне претит его вид: целыми днями спит, а на чужие добрые порывы смотрит свысока. Подумать только, обыкновенное паршивое копьё!

— Цзю'эр! — Цзы Чжэнь широко раскрыла глаза от гнева, явно всерьез разозлившись. — Род копий входит в число сильнейших среди Восемнадцати семейств и ни в чем не уступает моему роду мечей!

— Я... я просто к слову сказала, — Цзю'эр испуганно вжалась в плечи, не смея встретиться взглядом с Цзы Чжэнь. — Даже если род копий силен, к этому Чун Цзэ он не имеет никакого отношения.

Цзы Чжэнь ничего не ответила, лишь молча глядя на нее.

Голос Цзю'эр становился все тише, пока она наконец не отвернулась, прекратив спор. Однако на сердце у нее все равно остался неприятный осадок. Следующим уроком было занятие по ковке самого почитаемого Цзы Чжэнь мастера артефактов Бай Шэна, и Цзы Чжэнь непременно туда отправится. Уж она-то позаботится сорвать с этого Чун Цзэ маску фальши и показать всем во всей красе, что для оружия их Великого Мира Уша превыше всего стоят именно боевые навыки!

— Эй, тебя как зовут, и почему ты в одиночку забрел в такую глушь? — из повозки выглянуло пухлое белоснежное личико, и любопытный юноша, беззастенчиво разглядывая стоявшего перед ним парня, задал прямой вопрос.

Территория Среднего Мира Баюй была необъятной, подвластных ему малых миров насчитывалось немало, а школы бессмертных исчислялись десятками. Каждый раз, когда врата бессмертных обитателей отворялись и они широко объявляли набор учеников, бесчисленные толпы людей устремлялись к этим священным пикам. Подобные горные хребты открывались взорам смертных и пускали к себе лишь в строго определенные периоды. При этом ближайшие к святым горам селения находились на расстоянии не менее трех тысяч ли.

Преодолевать столь долгий путь в одиночку, пуская в дорогу полувзрослых юнцов самих по себе, разумеется, было крайне опрометчиво. Зажиточные семейства непременно нанимали для чад вереницы слуг и кучеров, семьи победнее сбивались в стайки и двигались парами. Однако Юй Цюнцзю оказался исключением из правил.

Этого мальчика звали Хуан Юй. Одеяния на нем представляли собой артефакт, за который родственники выложили немалую сумму заклинателю, да и азы постижения мира он усвоил неплохо, владея к тому же двойным духовным корешком воды и дерева — с таким потенциалом, в какую бы секту он ни пожелал вступить, перед ним открывались двери во внутренние ученики. Именно поэтому клан окружил его особой заботой, выделив в охрану с десятков слуг-практиков начальной ступени утверждения Ци, чья скорость передвижения намного превосходила темп остальных путников, уверенно вырываясь вперед.

Хуан Юй полагал, что они преодолеют дорогу быстрее всех, но, почти добравшись до подножия гор, вдруг заметил бредущего по обочине дороги какого-то парня лет четырнадцати-пятнадцати с увесистым тюк за плечами. Обувь на его ногах была донельзя истерта. Впрочем, вся эта дорожная пыль вовсе не умаляла сияния юноши — на его лице играла легкая, загадочная улыбка, мгновенно вызывавшая у любого встречного невольную симпатию.

Хуан Юй проделал столь долгий путь и еще не встретил никого интересного, так что появление сверстника тут же пробудило в нем любопытство.

Сопровождавшие его слуги послушно остановили лошадей, лишь старший из них, средних лет мужчина, слегка нахмурил брови, впрочем, не говоря ни слова. В былые времена они бы ни за что не позволили молодому господину контактировать со столь сомнительными личностями. Однако сейчас, у подножия врат бессмертных, повсюду сновали непостижимые фигуры, и проявлять излишнюю опрометчивость не стоило. Раз уж в этом парне он не смог разглядеть и следа культивации, значит, тот либо действительно был простым соискателем, либо его уровень силы намного превосходил его собственный. И в том, и в другом случае предостерегать господина было чревато.

Юй Цюнцзю остановился и, повернув голову, увидел выходящего из роскошной повозки изнеженного мальчика.

В те времена, когда Юй Цюнцзю еще не покинул клан заклинателей, ему доводилось видеть многих сородичей в подобных одеждах из духовной ткани.

— Меня зовут Юй Цюнцзю, я иду сюда в поисках наставника. Приветствую юного господина, — слегка кивнув, ответил Юй Цюнцзю Хуан Юю.

— Ты что, добрался сюда один? — с подозрением оглядев Юй Цюнцзю, протянул Хуан Юй. — Кругом ни деревни, ни постоянного двора, и ты сумел преодолеть такой путь в одиночку? Уж не ученик ли ты какого-то бессмертного отшельника?

И дело было не только в подозрениях Хуан Юя — просто Юй Цюнцзю взял с собой до обидного мало пожитков, сгодится разве что один дорожный узел. Сам же Хуан Юй путешествовал в сопровождении целой повозки добра, которое к тому же приходилось постоянно пополнять!

— Хоть в этих горах редко встретишь людей, здесь вдоволь всякой живности и припасов, — помолчав, ответил Юй Цюнцзю. — В свободное время я люблю заглядывать в занимательные книги, так что кое в чем разбираюсь.

Лесная зелень да дичь с пернатыми — стоило добавить самую малость приправ, и получалось великолепное блюдо. Налегке Юй Цюнцзю тронулся в путь заблаговременно, закалив в дороге собственный характер и обрета немало полезных навыков.

Кто знает, может быть, дело было в том, что бессмертный, вдохнувший в него жизненную ци, оказался настолько могущественен, что свирепые хищники при виде Юй Цюнцзю предпочитали брать за версту в обход, не смея и близко подходить.

При этой мысли у Юй Цюнцзю вновь затрепетало сердце.

Пока матушка была жива, она не раз наставляла его: если ненароком оскорбишь девицу или станешь к ней излишне волен, придется брать на себя ответственность. Юй Цюнцзю не знал, можно ли считать то происшествие вольностью, но всякий раз, когда память возвращала его к этому моменту, щеки сами собой заливались румянцем, а сердце пускалось вскачь.

Мудрецы изрекли: не смотри на то, что неуместно, не слушай того, что неуместно, не говори о том, что неуместно. Но они никогда не запрещали думать и грезить о запретном.

Раз уж бессмертный пожелал, чтобы он ступил на путь постижения Дао, он пришел.

Юй Цюнцзю коснулся пальцем кольца на руке, и в груди разлилось странное успокоение.

Стоило бессмертному удалиться, как это кольцо само очутилось на его пальце. Бессмертный обмолвился, что в случае необходимости он в любой момент сможет отыскать его через этот перстень. По ободку кольца вился тончайший узор, в котором угадывалось на редкость изящное нефритовое копьё с серебряным древком.

Вот добьется успехов в ученичестве — тогда и отправится доложить бессмертному о своих победах.

Чун Цзэ еще не успел переступить порог академии, как дорогу ему преградили.

И преградил ему путь далеко не один и не два человека, а целая толпа.

Чун Цзэ слегка прищурился, и на мгновение в его взгляде мелькнула произвольная свирепость. Однако это проявление убийственной ауры на лице Чун Цзэ лишь еще сильнее затуманило рассудок и без того потерявших от любви голову соучеников. Прекрасно, просто прекрасно — именно такой облик, с легким оттенком смертоносности, шел ему больше всего!

<http://bllate.org/book/21933/2278788>